

На правах рукописи

Шарапов Сергей Валерьевич

**ИДЕОЛОГО-ПРОПАГАНДИСТСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ШАХТИНСКОГО СУДЕБНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
(МАРТ–ДЕКАБРЬ 1928 г.)**

07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск – 2019

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет».

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Красильников Сергей Александрович

Официальные оппоненты:

Фельдман Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», кафедра государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала РАНХИГС, профессор

Артамонова Жанна Владимировна, кандидат исторических наук, Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив социально-политической истории», главный специалист

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

Защита состоится 29 марта 2019 г. в 14 час. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.03, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 3 ТГУ, аудитория 27).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ: <http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/SharapovSV29032019.html>

Автореферат разослан « ___ » февраля 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

Шевцов
Вячеслав Вениаминович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Шахтинский процесс 1928 г. и ряд последовавших за ним показательных судов над «вредителями» непосредственно связаны с трансформацией большевистского политического режима на рубеже 1920-х – 1930-х гг. В это время осуществлялся переход к чрезвычайным мерам в области управления экономикой, нарастали, в том числе и инспирированные властью, меж- и внутрисоциальные конфликты. Значимость судов такого рода для осмысления исторического перелома рубежа десятилетий определяется их многоцелевым, комплексным назначением, способностью оказывать воздействие на идеологическую, политическую, социокультурную сферы жизни общества. Масштабы организации и проведения таких процессов, как Шахтинский, требовали значительной концентрации усилий и координации деятельности как судебно-следственных, так и партийно-государственных и агитационно-пропагандистских органов. Идеолого-пропагандистская кампания была призвана придать судебным процедурам широкий показательный, демонстрационный характер и тем самым достичь максимально возможного целенаправленного воздействия на массовое сознание советского общества в целом и отдельных его групп.

На рубеже 1980-х – 1990-х гг. оценка «вредительских» процессов, в том числе и Шахтинского, претерпела инверсию, и ныне в общественном сознании они устойчиво ассоциируются с фальсификациями, не имевшими под собой объективной правовой основы. Генеральная прокуратура РФ в 2000 г. дала «Шахтинскому делу»¹ соответствующую юридическую оценку, реабилитировав всех осужденных на процессе. Задача исследователей состоит в анализе цели, механизма и технологий фальсификации данного «дела», включая изучение формирования и распространения идеолого-пропагандистской системой тенденциозной, искаженной информации о процессе.

Степень изученности проблемы. В отечественной историографии по «Шахтинскому делу» выделяются два этапа. Первый этап, продолжавшийся с 1928 г. до второй половины 1980-х гг., отмечен доминированием официальной партийной парадигмы, интерпретировавшей процесс как проявление классовой борьбы, «обострявшейся по мере строительства социализма». Существование в действительности «контрреволюционного заговора» и справедливость вынесенного приговора не ставились под сомнение. Второй этап, начавшийся со второй половины 1980-х гг., ознаменован отказом исследователей от доверительного отношения к результатам суда и обращением к анализу политических причин инициирования процесса.

---

¹ В нашей работе словосочетание «Шахтинское дело» закавычивается, что подчеркивает изначально тенденциозный и фальсифицированный характер чекистского следствия.

Посвященные Шахтинскому процессу публикации появились в 1928 г. сразу по его окончании. Их авторами являлись как непосредственные акторы процесса (Н. В. Крыленко², А. Я. Вышинский³, С. Д. Шейн⁴), так и отечественные журналисты, аккредитованные для его освещения (А. Аграновский, А. Алевич, Г. Рыклин⁵). Первые публикации, с одной стороны, знаменовали собой итог пропагандистской кампании, с другой – являлись начальной вехой историографии по «Шахтинскому делу», намечая ставшее общепринятым в советское время объяснение классовой подоплеку суда (будто бы «вредительство» явилось следствием организованной деятельности «антисоветских сил» внутри страны при содействии внешних «врагов»). В дальнейшем оно получило окончательное оформление в историко-партийной литературе 1930-х гг.⁶

С середины 1960-х гг. произошло определенное расширение предметного поля с активизацией исследований, посвященных истории классовой борьбы и истории формирования советской интеллигенции. Советские историки 1960-х – 1980-х гг. (И. Я. Трифонов, Д. Л. Голинков, С. А. Федюкин) хотя и не выходили за рамки установленной парадигмы, начинали осваивать и оценивать другие аспекты процесса: юридический, внутри- и внешнеполитический, социально-культурный⁷.

Альтернатива доминировавшему в советской историографии классовому подходу появилась в написанных в конце 1950-х – 1980-х гг. сочинениях А. И. Солженицына, Р. А. Медведева и А. Г. Авторханова, авторы которых были убеждены в том, что «Шахтинское дело» сфабриковано чекистами в интересах сталинской группировки, и выстраивали собственные версии причин его инспирирования⁸.

Начавшаяся во второй половине 1980-х гг. перестройка оказала влияние на историческую науку в Советском Союзе, открыв возможность для пересмотра тех устоявшихся канонов, которые сформировались в годы партийного диктата. На этой основе возник интерес к политическим судебным процессам 1928–1931 гг. Принципиальной задачей для исследователей, обращавшихся к изучению

---

² Экономическая контрреволюция в Донбассе (итоги Шахтинского дела) : сб. ст. и док. М., 1928.

³ Вышинский А. Я. Итоги и уроки Шахтинского дела. М. ; Л., 1928; Он же. Итоги Шахтинского дела // Революция права. 1928. № 5. С. 4–13.

⁴ Шейн С. Д. Суд над экономической контрреволюцией в Донбассе. Заметки общественного обвинителя. М. ; Л., 1928.

⁵ Аграновский А., Алевич А., Рыклин Г. Люди-вредители. Шахтинское дело. М. ; Л., 1928.

⁶ Ярославский Е. М. История ВКП(б) : в 2 т. М., 1934. Т. 2. С. 209–210; История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) : краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б); одобрен ЦК ВКП(б), 1938 г. М., 1946. С. 279.

⁷ Трифонов И. Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921–1937). М., 1960; Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972; Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975.

⁸ Авторханов А. Г. Технология власти. Frankfurt/Main, 1983. С. 70–72; Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. М., 1990. С. 226–233; Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛаг. 1918–1956 // Солженицын А. И. Собр. соч. : в 9 т. М., 1999. Т. 4. С. 381–382.

«Шахтинского дела», было доказать безосновательность и нелепость обвинений, выдвинутых против «шахтинцев», показать тенденциозность и «театральность», постановочность суда⁹.

Первое научное исследование «Шахтинского дела» осуществил С. А. Кислицын в вышедшей в 1993 г. монографии, основанной на документах Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) в сочетании с опубликованными в прессе репортажами о ходе судебного процесса и другими материалами. Базовой причиной инсценировки Шахтинского процесса, по мнению С. А. Кислицына, стала потребность сталинского руководства дискредитировать не только «старую» интеллигенцию, но и связанную с ней умеренно-реформистскую прослойку в партии во главе с Н. И. Бухариным¹⁰.

В большинстве современных исследований историки акцентировали свое внимание на отдельных аспектах «Шахтинского дела». Подробный критический анализ хода судебных заседаний сделан в монографии А. А. Есиневича¹¹. Предварительное следствие, организация Шахтинского процесса, роль ОГПУ в борьбе с «экономической контрреволюцией» изучались историком спецслужб О. Б. Мозохиним (в том числе в монографии, написанной в соавторстве с А. Ю. Епихиным)¹². В последние годы благодаря деятельности ряда историков наблюдается существенное продвижение в изучении внешнеполитического аспекта «Шахтинского дела», осложнений, вызванных арестом и выведением на процесс германских специалистов¹³.

Важной исследовательской задачей оставалось рассмотрение связи «Шахтинского дела» с усилением в Советском Союзе антиинтеллигентских

---

⁹ Ефимов Е., Щетинов Ю. Три процесса над старой интеллигенцией // Политическое образование. 1989. № 6. С. 69–76; Щетинов Ю. А. Режим личной власти Сталина // Режим личной власти Сталина. К истории формирования : материалы семинара. Л., 1989. С. 56–61; Старков Б. А. Об истинных и мнимых врагах социалистического строительства // В поисках исторической истины : сб. науч. ст. Л., 1990. С. 92–95; Куманев В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991; Ковалев В. А. Два сталинских наркома. М., 1995. С. 48–59; Беляков Л. Н. «Шахтинское дело» // Репрессированные геологи. М. ; СПб., 1999. С. 395–398.

¹⁰ Кислицын С. А. Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов н/Д., 1993.

¹¹ Есиневич А. А. Театр абсурда, или Судебный процесс по Шахтинскому делу. СПб., 2004.

¹² Мозохин О. Б. ВЧК–ОГПУ – карающий меч диктатуры пролетариата (ВЧК–ОГПУ на защите экономической безопасности государства и в борьбе с терроризмом). М., 2004; Епихин А. Ю., Мозохин О. Б. ВЧК–ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928). М., 2007; Мозохин О. Б. Без вины виноватые: Шахтинский процесс 1928 года // Родина. 2008. № 7. С. 105–110; Мозохин О. Б. Вредительство в народном хозяйстве [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/moz_vnag.php (дата обращения: 09.07.2018).

¹³ Дюллен С. Роль международного вопроса в политических процессах в СССР. «Шахтинское дело» и советская внешняя политика // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы : сб. науч. ст. Новосибирск, 2010. С. 66–74; Савин А. И. «Гнусности немецких корреспондентов были колоссальным затруднением...» (восприятие советской стороной освещения в немецкой прессе «Шахтинского дела») // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы : сб. науч. ст. Новосибирск, 2011. С. 85–93; Шаповалова А. С. Кризис советско-немецких отношений («Шахтинское дело» глазами французских дипломатов) // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы : сб. науч. ст. Новосибирск, 2011. С. 94–102; Макаренко П. В. «Шахтинский процесс» и его влияние на советско-германское сотрудничество // Вопросы истории. 2013. № 10. С. 3–15.

настроений во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. В ряде исследований, посвященных социальной истории СССР и истории интеллигенции в частности, эта связь была выявлена и тщательно проанализирована¹⁴.

Изучение крупных политических процессов раннесоветского периода остается актуальным для российских историков: продолжают публиковаться исследования, посвященные процессам 1920-х – 1930-х гг.¹⁵ Интерес к Шахтинскому процессу в 2010–2011 гг. возрос благодаря проведенной коллективом новосибирских историков и сотрудников московских федеральных и ведомственных архивов большой работе по выявлению и публикации исторических источников, итогом чего стал выход в свет документального двухтомника¹⁶. На основе введенных в научный оборот документов появились исследования, посвященные различным аспектам «Шахтинского дела». Историческому анализу подверглись как организационный контекст Шахтинского процесса¹⁷, так и политический¹⁸, идеолого-пропагандистский¹⁹ и социокультурный²⁰.

Зарубежные исследователи, изначально не доверяя советской официальной версии вины осужденных «шахтинцев», обращались к теме «Шахтинского дела» в разнообразных контекстах при исследовании периода конца 1920-х – начала 1930-х гг. Ш. Фицпатрик рассматривала последствия Шахтинского процесса для культурной политики режима²¹, Х. Куромия – в контексте истории поворота от НЭПа к политике форсированной индустриализации²². Р. Такер в биографии И. В. Сталина акцентировал внимание на том, что «Шахтинское дело» призвано было создать видимость военной опасности со стороны

---

¹⁴ Научно-техническая интеллигенция Урала в 1920-е – 1930-е годы: дела и судьбы / под ред. М. Е. Главацкого, В. Г. Чуфарова. Екатеринбург, 1993; Пыстина Л. И. «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х годов (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск, 1999. С 97–106; Лютов Л. Н. Политические настроения провинциальной интеллигенции в освещении ОГПУ. 1928–1929 гг. // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 107–119.

¹⁵ Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние, 1922–1926 гг.: этика и тактика противоборства. М., 2005; Морозова А. Ю. Меншевицкий процесс 1931 г. в ряду «вредительских» процессов // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сб. науч. ст. Новосибирск, 2010. С. 50–58; Артамонова Ж. В. Московский открытый процесс 1936 г.: механизм организации и политико-идеологическое обеспечение: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011 и др.

¹⁶ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С. А. Красильников. М., 2010. Кн. 1; 2011. Кн. 2.

¹⁷ Красильников С. А. Шахтинский процесс 1928 года: предварительное следствие в архивных документах // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2009. Т. 8, вып. 1. С. 59–66.

¹⁸ Красильников С. А. Шахтинский процесс 1928 г. как феномен охранительной политики // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сб. науч. ст. Новосибирск, 2011. С. 60–67.

¹⁹ Ушакова С. Н. Идеолого-пропагандистская составляющая Шахтинского процесса // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сб. науч. ст. Новосибирск, 2010. С. 45–50; Она же. Положительные и отрицательные образы акторов Шахтинского судебного процесса в фельетонах «Известий» и «Правды» // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сб. науч. ст. Новосибирск, 2011. С. 67–76.

²⁰ Соскин В. Л. «Шахтинское дело» в ракурсе социально-культурного подхода // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2009. Т. 8, вып. 1. С. 50–58.

²¹ Fitzpatrick S. Cultural revolution as Class war // Cultural revolution in Russia, 1928–1931. Indiana University press, 1978. P. 8–41.

²² Kuromiya H. Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1931. Cambridge, 1988. P. 15.

западных стран²³. М. Линоу исследовал пропагандистский аспект процесса²⁴. С. Шаттенберг рассматривала «Шахтинское дело» как эпизод ломки старой корпорации инженеров и формирования образа «инженера нового типа»²⁵. С. Коткин видел в «Шахтинском деле» намерение И. В. Сталина расширить социальную базу режима и получить возможность политического маневра в сторону форсирования индустриализации и коллективизации²⁶.

Обзор историографии показывает, что в постсоветский период позиции отечественных и зарубежных историков в значительной мере сблизились на почве отказа от априорных утверждений в пользу более глубокого аналитического изучения процесса и вписывания его в широкий контекст эпохи. Идеолого-пропагандистский аспект «Шахтинского дела», однако, требует более детального изучения в виду недостаточного его раскрытия в современных исторических исследованиях, учитывая особую значимость информационного освещения для судебных процессов открытого и показательного характера.

Объектом исследования является Шахтинский судебный политический процесс, проходивший в Москве с 18 мая по 5 июля 1928 г., **предметом** – идеолого-пропагандистская кампания, развернутая на основе «Шахтинского дела».

Цель исследования состоит в раскрытии содержания деятельности органов пропаганды в связи с подготовкой и проведением Шахтинского процесса.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- определить основные идеолого-пропагандистские установки, положенные в основу процесса;
- раскрыть формы и методы освещения в советской пропаганде Шахтинского процесса;
- выявить реакцию целевых социальных групп на «Шахтинское дело» (рабочих, управленцев и инженерно-технических работников);
- обозначить место данной пропагандистской кампании в ряду и взаимосвязи с другими массовыми кампаниями 1928 г.;
- выявить черты и особенности ведения внешнеполитической пропаганды в связи с Шахтинским процессом.

Территориальные рамки работы определяются границами СССР, поскольку пропагандистская кампания велась одновременно в центральных СМИ общесоюзного значения и на региональном уровне.

Хронологические рамки работы охватывают период с 10 марта по конец декабря 1928 г. Нижняя граница определяется публикацией в газетах «Правда» и «Известия» сообщения прокурора Верховного суда СССР П. А. Красикова

---

²³ Такер Р. Сталин у власти. М., 1997. С. 69–73.

²⁴ Lenoe M. Closer to the masses. Stalinist culture, social revolution, and soviet newspapers. Harvard, 2004. P. 93–97.

²⁵ Шаттенберг С. Инженеры Сталина. Жизнь между техникой и террором в 1930-е гг. М., 2011.

²⁶ Kotkin S. Stalin. Princeton, 2014. Vol. I: Paradoxes of Power, 1878–1928. P. 378–380.

«О раскрытии контрреволюционной организации в Шахтинском районе Донбасса»²⁷. Выбор верхней границы обосновывается, во-первых, снижением в течение июля-декабря 1928 г. интенсивности публикации в прессе материалов, посвященных «Шахтинскому делу», и, во-вторых, сменой приоритетов политического режима. Окончательные политические и социальные итоги кампании были подведены И. В. Сталиным 31 декабря 1928 г. на совещании Политбюро ЦК ВКП(б) в выступлении о ситуации в Донбассе после «Шахтинского дела».

Источниковая база исследования. Для решения поставленных в исследовании задач привлекались исторические источники разной типовой принадлежности: письменные и изобразительные. В соответствии с видовым делением письменные источники подразделяются на законодательно-нормативные, директивные, делопроизводственные документы и материалы публицистики.

Основу документального корпуса источников составляют материалы пяти тематических дел фонда Политбюро ЦК ВКП(б), посвященные различным аспектам подготовки и проведения Шахтинского процесса²⁸. Большая часть документов тематических дел была опубликована в первом томе сборника «Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги»²⁹. В работе над диссертацией использовались и другие как опубликованные, так и хранящиеся в центральных и региональных архивохранилищах документы.

В число *законодательно-нормативных документов* входят Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., на основании которого формировалось обвинительное заключение по «Шахтинскому делу», и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г., нормы которого описывали порядок предварительного следствия и судопроизводства.

К группе *директивных документов* относятся постановления Политбюро ЦК и специальной комиссии Политбюро по «Шахтинскому делу», касавшиеся подготовки и проведения процесса, резолюция апрельского пленума ЦК ВКП(б) 1928 г., а также постановления других партийных и государственных органов (ЦИК СССР, ЦК КП(б)У и др.).

Значительная часть *делопроизводственной документации*, использованной в исследовании, входит в тематические дела фонда Политбюро ЦК ВКП(б). Это документы межведомственной и внутренней переписки партийных (Политбюро ЦК ВКП(б)), государственных и общественных (ОГПУ, НКЮ, ВЦСПС и др.) органов, проекты / черновые экземпляры ключевых идеологических текстов,

---

²⁷ Красиков П. От прокурора Верховного суда Союза. Сообщение о раскрытии контрреволюционного экономического заговора // Известия. 1928. 10 марта. С. 2.

²⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 328–331.

²⁹ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 1.

предназначавшихся для рассылки и публикации в прессе, обзоры ОГПУ по «Шахтинскому делу», в которых были суммированы полученные во время предварительного следствия данные.

Помимо указанных документов изучались информационные сводки и докладные записки ОГПУ и ГПУ Украины о реакции различных слоев населения на «Шахтинское дело». Документы такого рода, составленные преимущественно весной 1928 г., опубликованы во втором томе сборника документов «Шахтинский процесс...»³⁰ и других документальных изданиях³¹. В качестве дополнительного источника в диссертации выявлен и проанализирован ряд информационных сводок ЦК ОГПУ по Сибирскому краю (главным образом, по Новосибирску и Новосибирскому округу), хранящихся в ГАНО³². Последние обладают определенной ценностью как содержащие информацию о реакции на процесс в далеком от Центра периферийном регионе. Помимо материалов ОГПУ задействована и информационная документация иных ведомств, в том числе региональных, в круг задач которых входило обследование социальной обстановки на местах.

Другой разновидностью изученных делопроизводственных документов являются стенограммы. Особую важность представляет не публиковавшаяся стенограмма самого судебного процесса, хранящаяся в ГА РФ³³. Кроме того, анализировались стенограммы пленумов как центральных³⁴, так и региональных³⁵ партийных комитетов, состоявшихся в период ведения пропагандистской кампании.

Тема диссертационного исследования предусматривает привлечение в исследовательских целях публицистических материалов печатных средств массовой информации – газет, журналов, брошюр. Изучались текстовые массивы центральных газет «Правда», «Известия», «Экономическая жизнь» за период с марта по декабрь 1928 г., а также общесоюзных журналов «Инженерный труд», «Горнорабочий», «Еженедельник советской юстиции», «Революция права». В дополнение к общесоюзной прессе использовались материалы региональной периодики: газет «Красный шахтер» (орган Шахтинско-Донецкого окружкома ВКП(б)) и «Молот» (орган Севкавказкома и Донкома ВКП(б)), выпускавшихся в регионах, затронутых «вредительством»; а также газеты «Советская Сибирь» (орган Сибкрайкома ВКП(б)), в поле постоянного внимания которой находились такие крупные угольные районы востока страны, как Кузбасс и Черембасс. Кроме газет и журналов, важными

³⁰ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 2.

³¹ «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934) : в 10 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2002. Т. 6.

³² ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 9–13.

³³ ГАРФ Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 6–43.

³⁴ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. : в 5 т. М., 2000. Т. 1: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г.; Т. 2: Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г.

³⁵ Стенограмма пленума ЦК и ЦКК КП(б) Украины (1–5 ноября 1928 г.) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 17.

источниками являются публиковавшиеся уже по итогам Шахтинского процесса советские пропагандистские брошюры³⁶.

Особое место в корпусе источников для исследования занимают материалы, относящиеся к типу изобразительных: фотографии, зарисовки, шаржи, карикатуры, встречавшиеся на страницах газетно-журнальной периодики, а также кинохроникальные выпуски «Союзкино», обязательные к показу во всех советских кинотеатрах.

Принципы и ход ведения идеолого-пропагандистской кампании вокруг «Шахтинского дела» реконструируются в сопоставлении агитационных материалов СМИ с архивными документами, проливающими свет на процесс принятия ключевых политических решений по «Шахтинскому делу», согласования спорных вопросов в высших эшелонах партийно-государственного руководства, общественную реакцию на Шахтинский процесс. В целом, комплекс выявленных и проанализированных исторических источников достаточен для решения поставленных в исследовании задач.

Методологическая основа исследования сформирована путем сочетания общенаучного системного подхода с подходами ряда социогуманитарных наук, включая общеисторические подходы и принципы. Теоретико-методологическое обеспечение работы базируется на соблюдении принципов *историзма* и *объективности*, применении *историко-генетического*, *историко-типологического* и *сравнительно-исторического методов*.

Среди специальных методов, использованных в работе, особое место занимает широко применяемый в социологии *метод контент-анализа*, позволивший оперировать количественными данными в изучении массовых источников, периодики прежде всего. В рамках данной диссертационной работы в соответствии с задачами исследования был проведен контент-анализ номеров газет «Правда» и «Известия» за март-декабрь 1928 г.

Исследование опирается на концепцию тоталитаризма, следуя которой, господствующая идеология является одним из системообразующих элементов тоталитарного политического режима. Теорией среднего уровня для проводимого исследования служит теория социальных мобилизаций. Исследование основано на положении о том, что «Шахтинское дело» явилось основанием для мощной идеолого-пропагандистской кампании, имевшей мобилизационный характер и призванной консолидировать основные группы социума вокруг политического режима.

Другим методологическим основанием исследования являются концептуальные положения имагологии. Имагология исходит из допущения,

---

³⁶ Шейн С. Д. Суд над экономической контрреволюцией в Донбассе. Заметки общественного обвинителя. М. ; Л., 1928; Экономическая контрреволюция в Донбассе (итоги Шахтинского дела) : сб. ст. и док. М., 1928; Вышинский А. Я. Итоги и уроки Шахтинского дела. М. ; Л., 1928; «За что их судят?» Баку, 1928; Сергеев Б., Плесков В. Шахтинцы. История вредительства, суд, приговор. М., 1928; Аграновский А., Алевич А., Рыклин Г. Люди-вредители. Шахтинское дело. М. ; Л., 1928.

что представление о «своих» и «чужих» является универсальным стереотипом для коллективного, массового мироощущения. При этом в условиях конфликта образ «другого» может трансформироваться в образ «врага». С учетом данной предпосылки в диссертации исследуется введение и закрепление в идеологическом пространстве 1928 г. фигуры классового «врага» нового типа – «контрреволюционера-вредителя».

Научная новизна работы определяется разработкой темы влияния агитационно-пропагандистских установок на структуру и практику производственно-трудовых взаимоотношений, определением не только политического, но и социально-экономического содержания кампании, развернутой в советских СМИ. Идеолого-пропагандистское обеспечение Шахтинского процесса представлено как сочетание негативных (конфронтационных) и позитивных (консолидационных) установок, имевших значительные деструктивные последствия для различных сфер жизнедеятельности общества и его взаимоотношений с партийно-государственной системой.

Положения, выносимые на защиту:

1. Образ внутреннего врага («контрреволюционера-вредителя») являлся политическим отображением социального антагонизма. Интеллигентофобия («спецеество») стала основой соединения и совпадения интересов политических верхов и настроений социальных низов в определении причин и виновников глубокого внутреннего кризиса в стране через десять лет после революции. Идеология и пропаганда являлись важнейшим инструментом обеспечения социально-политической кампании, направленной на преодоление кризиса власти и доверия к ней общества.

2. Освещение хода процесса в центральной и региональной прессе осуществлялось в соответствии с политико-идеологическими задачами: очевидно тенденциозная подача информации сопутствовала специфике самого процесса, опиравшегося на социальную память «низов», рабочих прежде всего. Результативность пропагандистского воздействия на массовое сознание базовых групп социума (рабочие, крестьянство, служащие, специалисты) имела свои границы, связанные с противоречивым соединением в пропаганде конфронтационных и консолидационных начал, «разрывами» пропагандистского контента с социальной реальностью.

3. Конструирование образа «внутреннего врага» состояло из двух фаз. Первая, заключающаяся в декларировании политического конфликта, определении его классовой подоплеки, была проведена на предпроцессной стадии, вторая – формирование образа, наделенного характерными социально-психологическими чертами, осуществлялась во время процесса.

4. Конфронтационная линия в кампании входила в явное противоречие с моделью «позитивной мобилизации», направленной на конструктивное развитие социально-трудовых отношений. Конфликты на производстве снижали

эффективность реализации консолидационных установок в производственной сфере и, шире, в социуме в целом.

5. Дипломатические осложнения в советско-германских отношениях, вызванные арестами по «Шахтинскому делу» нескольких германских специалистов, сопровождались информационным противоборством, развернувшимся в прессе обеих стран. Советская сторона выстраивала картину реакции иностранной прессы на Шахтинский процесс в соответствии с идеологической парадигмой противостояния капиталистического и социалистического «миров».

Практическая и теоретическая значимость. Результаты проведенного исследования значимы для дальнейшего изучения феномена судебных политических процессов в СССР в 1920-е – 1930-е гг., а также способствуют углублению исторических знаний о функционировании управляемой политической пропаганды в раннесоветский период. Результаты исследования могут быть использованы в научной сфере, для написания смежных по тематике или обобщающих работ, посвященных репрессивной политике советской власти в довоенный период, а также в образовательной сфере при составлении школьных и вузовских курсов по отечественной истории.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были изложены в виде докладов на международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2008–2009, 2011), коллоквиуме стипендиатов Германского исторического института в Москве (Москва, 2011), научно-практической конференции, посвященной 75-летию НСО «Новосибирская область: история и современность» (Новосибирск, 2012).

По материалам диссертации опубликовано 10 работ, в том числе 3 статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, двух приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяется актуальность исследования, рассматривается историография по «Шахтинскому делу», выделяются объект и предмет исследования, ставятся цель и задачи, устанавливаются территориальные и хронологические рамки, описываются источниковая база, методология и методы, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «**Политико-идеологическая подготовка “Шахтинского дела”**» посвящена анализу предпроцессной стадии кампании (10 марта – 17 мая 1928 г.). В **первом разделе** «Согласование политических установок “Шахтинского дела” в партийно-государственном руководстве» рассматривается

ход разработки под контролем И. В. Сталина идеологического обоснования грядущего процесса. Участие Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова представляет особый интерес на фоне начавшихся в Политбюро ЦК ВКП(б) разногласий по поводу хлебозаготовительной политики и применения в ней чрезвычайных мер. Анализ опубликованных публичных выступлений партийных лидеров, составленных ими ключевых идеологических документов показывает, что инициатором планомерной эскалации конфронтационных тенденций (квалификация социальной прослойки «буржуазной» интеллигенции как источника «вредительских» кадров) был лично И. В. Сталин.

«Правые» члены Политбюро оказались вовлечены в подготовку судебного процесса и вынуждены были считаться с тем, какую направленность приняла кампания в прессе. Если у них и возникали несогласия с содержанием пропагандистской кампании (как в случае с выступлением А. И. Рыкова на апрельском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б)), они не выносились за пределы обсуждения в высших партийных инстанциях. Вместе с тем «Шахтинское дело» сигнализировало о ненормальной работе партийных, хозяйственных, профсоюзных и других организаций в Донбассе. В необходимости использовать «дело» для исправления недостатков системы хозяйствования (бюрократизм, бесхозяйственность, использование должностного положения в личных целях) нашли согласие как «умеренные» в руководстве, так и формировавшееся сталинское большинство.

Во **втором разделе** «Внутриполитические задачи и содержание пропагандистской кампании» анализируется ход начавшейся в марте 1928 г. кампании в советских СМИ, определяются политические и социальные факторы, влиявшие на характер и направленность пропагандистского воздействия. В качестве одного из решающих факторов выделяется распространение социально-реваншистских настроений в пролетарской среде, вызванных возрастающим социальным и имущественным неравенством в обществе. Не только «буржуазные» инженеры, но и коммунисты-хозяйственники, в представлении рабочих, отождествляли старорежимный формат отношений господства и подчинения, а само положение рабочих на производстве ассоциировалось с положением «эксплуатируемого» класса. Для руководства ВКП(б) инициирование «Шахтинского дела» стало возможностью направить недовольство пролетариата в управляемое и безопасное для власти «антиспецовское» русло. Используя пропагандистские ресурсы, партия частично легитимировала практики, которые ранее считались маргинальными и осуждались как «спецеество», замаскировав их под проявления «революционного чутья» и «коммунистической бдительности» в борьбе с «вредительством».

В **третьем разделе** «Внешнесполитический аспект “Шахтинского дела” в советской пропаганде» анализируется освещение в советских СМИ проблем советско-германских взаимоотношений, вызванных арестом немецких

специалистов по «Шахтинскому делу». На фоне арестов в марте 1928 г. были приостановлены советско-германские экономические переговоры, что спровоцировало острую полемику в прессе обеих стран. Советские СМИ формировали идеологически искаженную картину германского общественного мнения, связывая приостановку переговоров не с арестами германских подданных, а с непримиримыми противоречиями между социалистическим и капиталистическим принципами построения экономики.

Результатом арестов немецких специалистов стало обострение в советско-германских отношениях, несмотря на то, что руководство обеих стран на протяжении 1920-х гг. находилось в тесном сотрудничестве. «Шахтинское дело» являлось «проверкой на прочность» германских политических кругов в этом сотрудничестве. Встав на защиту арестованных соотечественников и приостановив экономические переговоры, германское правительство заняло все же выжидательную позицию, демонстрируя надежду на оправдательные приговоры для немецких граждан.

Вторая глава **«Информационно-пропагандистское сопровождение судебного процесса и закрепление его результатов»** посвящена анализу хода пропагандистской кампании в период проведения процесса (18 мая – 5 июля 1928 г.) и на послепроцессной стадии (6 июля – 31 декабря 1928 г.). В первом разделе «Процесс как инструмент утверждения образа “вредителя” в советской пропаганде» рассматриваются формы и методы освещения судебных заседаний по «Шахтинскому делу» в советских СМИ. Через представление подсудимых в материалах советской прессы (корреспондентских отчетах из зала суда и фельетонах) происходило оформление образа «врага», который становился узнаваемым, соотносимым с целой социальной прослойкой «буржуазной» интеллигенции. Пропаганда представляла подсудимых в качестве носителей старорежимных ценностей, не желавших или не сумевших отказаться от «буржуазного» мировоззрения.

При этом «шахтинцы» не изображались принципиальными идеологическими противниками социалистического государства. Им приписывалось вообще отсутствие какой-либо четкой идеологической платформы. Тем самым подчеркивалось, что на процессе советский суд имел дело с «охвостьем» старого режима, «вредившим» скорее по привычке, чем из идейных убеждений. Пропаганда прибегала к чрезвычайно действенной уловке: признаками «контрреволюционности» считались не только приверженность буржуазной или монархической идеологии, но и социальное прошлое (происхождение и статус), и социальное поведение (отношение к труду, к накоплению материальных благ и т. д.). Именно эти акценты превращали абстрактный образ «контрреволюционера-вредителя» в узнаваемый для пролетариата типаж «буржуазного» интеллигента.

Второй раздел «“Шахтинское дело” в ряду мобилизационных кампаний 1928 года» посвящен изучению инспирированных судебным процессом

кампаний, направленных на решение прагматических задач в сфере управления и организации промышленного производства. Пропаганда в данном случае опиралась на резолюцию апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928 г., в которой определялись основные направления деятельности партийно-государственных органов по «устранению недостатков» в системе хозяйствования, выявленных в связи с «Шахтинским делом».

Согласно результатам проведенного контент-анализа газет «Правда» и «Известия» за период с 12 апреля, когда была опубликована резолюция пленума, и до конца декабря 1928 г., когда фактически прекратилась публикация материалов по «горячим следам» Шахтинского процесса, на страницах газеты «Правда» доленое соотношение упоминаний намеченных в резолюции мер по устранению выявленных недостатков таково: установление контроля над работой специалистов на предприятиях – 10 (%) (13 ед.), улучшение партийного руководства в производственной сфере – 3 (%) (4 ед.), интенсификация подготовки «красных» специалистов – 31 (%) (40 ед.), вовлечение масс в управление производством – 37 (%) (48 ед.), обеспечение руководящей роли хозяйственников на предприятиях – 19 (%) (25 ед.). В газете «Известия»: установление контроля над работой специалистов – 7 (%) (10 ед.), улучшение партийного руководства – 1 (%) (1 ед.), интенсификация подготовки «красных» специалистов – 26 (%) (36 ед.), вовлечение масс в управление производством – 40 (%) (56 ед.), обеспечение руководящей роли хозяйственников – 26 (%) (36 ед.).

Данные контент-анализа материалов обеих газет показывают доминирование темы вовлечения рабочих в управление, что подтверждает приоритетное значение пролетариата в качестве главной целевой группы пропаганды. Пропагандистская кампания, таким образом, чутко реагировала на недовольство рабочего класса ухудшением своего социально-экономического положения. Формирование образа «контрреволюционера-вредителя» прямо отвечало запросу пролетариата на расправу с «буржуазными элементами», однако оставался обойденным другой аспект рабочего протеста: бесправие перед администрацией предприятий, отсутствие защищенности со стороны профсоюзов и ячеек ВКП(б). Власть, таким образом, делала попытку компенсировать социальное недовольство пролетариата, создавая и поддерживая иллюзию возможности достижения им более высокой роли на производстве.

В третьем разделе «Итоги кампании в их восприятии целевыми группами советского социума» рассматривается слепопроцессный этап кампании, социальная реакция на нее и социально-экономические и поведенческие последствия действий пропаганды. Шахтинский процесс, проведенный в значительной мере для того, чтобы угодить рабочей массе, не устроил последнюю в своей развязке. Решением суда из 53 подсудимых 11 человек приговаривались к высшей мере наказания – расстрелу. Четверо обвиняемых

(в том числе два германских подданных) были оправданы, и четверо (в том числе один германский подданный) приговорены к условным срокам наказания. Остальные – к лишению свободы сроком от 1 до 10 лет с поражением в правах на срок от 3 до 5 лет. Приговор расценивался рабочими как излишне мягкий. Волна возмущения, вызванная приговором, свидетельствует о неспособности большевиков контролировать в немалой степени спровоцированную действиями пропаганды озлобленность в рабочей среде по отношению к инженерно-техническим работникам.

Пропагандистская кампания, которая предписывала рабочему классу исключительную роль в раскрытии «Шахтинского заговора», выявлении на предприятиях «контрреволюционного элемента», «очищении» советской экономической системы от бюрократизма и бесхозяйственности, привела к тому, что рабочие почувствовали вседозволенность, ослабление авторитета хозяйственников и специалистов. Результатом стало падение трудовой дисциплины и снижение производительности труда, прежде всего в угледобывающей и металлургической промышленности.

«Шахтинское дело» повлекло за собой дестабилизацию производственно-трудовой субординации, когда хозяйственники и специалисты отказывались брать на себя ответственность в принятии решений, опасаясь оказаться под прицелом «рабочей критики». Нежелание идти против массы, уход от ответственности и проявления инициативы – таков результат многомесячной пропагандистской кампании, поставившей деятельность инженерно-технического персонала в зависимость от действий рабочего актива. Как следствие, прежняя система распределения полномочий и ответственности между рабочими, инженерно-техническим персоналом и организациями «треугольника» (хозяйственными, профсоюзными и партийными) была поколеблена, что лишь усиливало дезорганизацию не только в угольной промышленности, но и в других базовых секторах индустрии и транспорта. Вместо «очищения», «оздоровления обстановки на производстве» «Шахтинское дело» становилось фактором дестабилизации в сфере социально-трудовых отношений.

Четвертый раздел «Влияние процесса на динамику советско-германских отношений (информационно-пропагандистский аспект)» посвящен анализу материалов советской прессы, выборочно освещавших реакцию германских СМИ на Шахтинский процесс и его результаты. Переключка советской и германской прессы проходила на фоне усилий дипломатии обеих стран по снятию противоречий, вызванных выведением на процесс трех германских специалистов. Несмотря на обоюдные резкие выпады в СМИ, в межгосударственных отношениях возобладала заинтересованность в продолжении экономических связей. Оправдательный по сути для подсудимых немцев приговор по «Шахтинскому делу» устранил конфликтную ситуацию, и

локальные информационные войны между пропагандистскими органами двух стран оказались свернуты также оперативно, как и были начаты.

В **заключении** сделаны обобщающие выводы. Шахтинский процесс имел двойное назначение: мобилизационное (для консолидации групп общества вокруг политических «верхов») и компенсаторное (удовлетворение запроса трудовых «низов» на социальный реванш в отношении специалистов). Соблюдение баланса между конфронтационными / негативными (наращивание социальной истерии выявления «вредителей») и консолидационными / позитивными (перевод социальной активности в конструктивное русло повышения трудового активизма) тенденциями в пропаганде было одной из главных задач кампании. «Шахтинское дело» спровоцировало появление целого ряда идеолого-пропагандистских установок, одни из которых обостряли социально-трудовые противоречия («спецеедческие» практики маскировались под проявление «революционного чутья» и «коммунистической бдительности»), другие должны были поставить под контроль социально-реваншистские настроения пролетариата (призывы к самокритике и «товарищескому отношению к честным специалистам»).

Освещение хода Шахтинского процесса было подчинено задаче раскрытия и воплощения пока еще размытого и умозрительного образа «врага» в фигурах подсудимых «шахтинцев». Тенденциозность советских СМИ, публиковавших отчеты из зала суда, определялась несколькими факторами: органы прессы заранее становились на сторону государственного обвинения; реплики обвиняемых, вопросы защитников и оценочные суждения государственного обвинения нередко вырывались из контекста допроса и подвергались прямому искажению; приоритетное внимание уделялось показаниям свидетелей со стороны обвинения и показаниям признавших свою вину обвиняемых (к началу процесса 16 обвиняемых полностью признали свою вину, 13 признали вину частично, 24 признавать себя виновными отказались).

Консолидационные установки внедрялись через сопровождавшие процесс хозяйственно-политические кампании, направленные на усиление контроля над работой специалистов, улучшение партийного руководства в отношении хозорганов, вовлечение рабочих масс в управление производством, ускорение подготовки «красных» специалистов, обеспечение действительного руководства предприятиями коммунистами-хозяйственниками. Однако дестабилизация производственно-трудовых отношений, фиксируемая по результатам Шахтинского процесса, значительно снижала позитивный эффект хозполиткампаний.

Советская пресса представляла идеологизированную картину реакции на «Шахтинское дело» основных целевых групп советской пропаганды: ИТР отмежевывались от шахтинских «вредителей», рабочие декларировали товарищеское отношение к «честным специалистам». Однако результаты исследования показывают, что многие ИТР с недоверием относились к

результатам следствия и суда, ожидая новой волны «спецеедства», а в среде рабочих наблюдался всплеск интеллигентофобии и несогласия с приговором по «Шахтинскому делу», который оценивался как излишне мягкий.

Освещая реакцию на «Шахтинское дело» иностранных СМИ, советские органы прессы использовали тщательно отобранные публикации из информационного потока иностранных изданий для их препарированного, прагматичного использования с целью иллюстрации борьбы и противостояния двух миров – западного и советского. При этом идеологема «двух миров» входила в противоречие с прагматичной деятельностью дипломатии по поддержанию экономического сотрудничества с Германией. Мягкий, по сути оправдательный, приговор в отношении подсудимых немецких специалистов способствовал снижению градуса информационного противоборства в советской и германской прессе и открыл дорогу дипломатии обеих стран к налаживанию пошатнувшихся деловых связей.

«Шахтинское дело» как реализованный сталинским руководством «антикризисный» вариант, предполагавший мобилизацию политическим режимом своих сторонников, стал источником новых кризисов в последующем, поскольку социальные противоречия и конфликты были не «сняты», а заблокированы, «загнаны внутрь». Прежний порядок производственных отношений был принесен в жертву политической выгоде, получаемой от конфликтной мобилизации в искусственно создаваемых условиях угрозы, исходящей «извне» («внешний враг») и «изнутри» («внутренний враг»). «Шахтинское дело» задавало долгосрочный вектор политической и культурной дискриминации «буржуазной» интеллигенции в советском государстве.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Шарапов С. В.** Роль свидетелей-рабочих в Шахтинском судебном политическом процессе 1928 года / С. В. Шарапов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 1: История. – С. 126–130. – 0,5 а.л.

2. **Шарапов С. В.** Шахтинский судебный политический процесс 1928 года: итоги изучения / С. В. Шарапов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 8: История. – С. 163–166. – 0,25 а.л.

3. **Шарапов С. В.** «Шахтинское дело» 1928 г. как индикатор внутрипартийных взаимоотношений / С. В. Шарапов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 1 : История. – С. 109–113. – 0,5 а.л.

Монография:

4. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) / Н. Б. Арнаутов, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов, Д. Д. Миненков, Л. И. Пыстина, Л. А. Ситников, Л. И. Сосковец, Н. Д. Страбыкина, А. Г. Тепляков, С. Н. Ушакова, **С. В. Шаратов**, О. В. Шер. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 591 с. – 37 / 2 а.л. (История сталинизма).

Авторская часть С. В. Шаратова: Гл. 2. **Шаратов С. В.** Пропагандистское обеспечение Шахтинского процесса 1928 г. / С. В. Шаратов. – С. 490–526.

Сборники документов:

5. Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги / С. А. Красильников, А. И. Савин, С. Н. Ушакова (предисловие и комментарии), **С. В. Шаратов** (комментарии). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – Кн. 1. – 975 с. (История сталинизма. Документы). – 60,9 / 1 а.л.

Авторская часть С. В. Шаратова: **Шаратов С. В.** Примечания и комментарии / С. В. Шаратов. – С. 810–816, 878–888.

6. Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги / А. Блюм, С. А. Красильников, А. И. Савин, С. Н. Ушакова (предисловие); С. А. Красильников, А. И. Савин, А. Г. Тепляков, С. Н. Ушакова, **С. В. Шаратов** (комментарии). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2012. – Кн. 2. – 1087 с. – 67,9 / 1 а.л.

Авторская часть С. В. Шаратова: **Шаратов С. В.** Комментарии / С. В. Шаратов. – С. 1006–1021.

Публикации в прочих научных изданиях:

7. **Шаратов С. В.** Динамика развертывания пропагандистской кампании вокруг «Шахтинского дела» в газете «Известия» (март-август 1928 г.) / С. В. Шаратов // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы : сборник материалов франко-российского семинара. Париж, Франция, 29–30 ноября 2010 г. – Новосибирск, 2011. – С. 76–85. – 0,65 а.л.

8. **Шаратов С. В.** Идеологическая подготовка Шахтинского судебного политического процесса в советской прессе (10 марта – 18 мая 1928 г.) / С. В. Шаратов // Социальная мобилизация в сталинском обществе: институты, механизмы, практики : сборник научных статей. – Новосибирск, 2011. – Вып. 1. – С. 150–161. – 0,75 а.л.

9. **Шаратов С. В.** Идеолого-пропагандистское обоснование «Шахтинского дела» 1928 г. в региональной прессе / С. В. Шаратов // Социальная мобилизация в сталинском обществе: институты, механизмы, практики : сборник научных статей. – Новосибирск, 2012. – Вып. 2. – С. 28–39. – 0,65 а.л.

10. **Шаратов С. В.** Значение кампании самокритики в контексте «Шахтинского дела» 1928 г. / С. В. Шаратов // Исторический ежегодник. 2016 : сборник научных трудов. – Новосибирск, 2016. – С. 32–43. – 0,65 а.л.

Издание подготовлено в авторской редакции.
Отпечатано в ООО «Позитив-НБ»
Заказ № 12/01-19 от 24 января 2019 г. Тираж 100 экз.
г. Томск, пр. Ленина, 34а